

Д. С. Молоков

УДК 377 (091)

<https://orcid.org/0000-0002-4313-4055>

**Педагогические курсы в Ярославской губернии
как социокультурный и образовательный феномен (конец 1910-х – 1920-е гг.)**

Для цитирования: Молоков Д. С. Педагогические курсы в Ярославской губернии как социокультурный и образовательный феномен (конец 1910-х – 1920-е гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113). С. 23-33. DOI 10.20323/1813-145X-2020-2-113-23-33

В статье раскрываются особенности генезиса и трансформации временных одногодичных и двухгодичных педагогических курсов в истории отечественного образования начала советского периода на примере Ярославской губернии. Целью настоящего исследования было выявить основания, позволяющие определить педагогические курсы как социокультурный и образовательный феномен. Материалы статьи включают сведения, отражающие региональную специфику создания педагогических курсов в Ярославской губернии в конце 10-х – 20-е гг. XX столетия. Обоснованы причины неудачных попыток открытия курсов в Рыбинске, Петровске и Тутаеве-Луначарске. Особое внимание уделено деятельности педагогических курсов, открытых при учительских семинариях в Угличе и Мологе. В ходе исследования были привлечены не опубликованные ранее материалы Ярославского архива, которые дополняют известные науке письменные источники. В частности, были введены в научный оборот доклады, записки, отчеты, переписка Народного комиссариата просвещения, Ярославского Губернского отдела народного образования и Губернской коллегии народного образования; положения, уставы, сметы и протоколы заседаний педагогических советов учительских семинарий и педагогических курсов.

В качестве методологической основы проведенного исследования выступили системный и феноменологический подходы. Первый позволил рассмотреть педагогические курсы как самостоятельную систему и одновременно как структурный элемент системы профессиональной подготовки педагогов. Второй подход дал возможность определить педагогические курсы как уникальное, особенное, своеобразное явление в его исторической ретроспективе. В работе использован комплекс методов исследования: нарративный, архивной эвристики, источниковедческий анализ, метод интерпретации источников.

Изучение проблемы становления и развития педагогических курсов позволяет глубже понять сущность современной системы непрерывного педагогического образования, определить условия ее успешного функционирования, что можно рассматривать как наиболее значимый результат проведенного исследования.

Ключевые слова: педагогические курсы, учительские семинарии, социокультурный феномен, педагогическое образование, конец 10-х – 20-е гг. XX в., Ярославская губерния.

D. S. Molokov

**Pedagogical courses in the Yaroslavl province
as a sociocultural and educational phenomenon (late 1910s – 1920)**

The article reveals the peculiarities of genesis and transformation of temporary one-year and two-year pedagogical courses in the history of domestic education in the beginning of the Soviet period on the example of the Yaroslavl province. The purpose of this study was to identify the grounds for defining pedagogical courses as a sociocultural and educational phenomenon. The materials of the article include information presenting the regional specifics of the creation of pedagogical courses in the Yaroslavl province in the late 1910-s – 20-s. The reasons for the failed attempts to open courses in Rybinck, Petrovsk and Tutaev-Lunacharsk are justified. Special attention is given to the activities of pedagogical courses opened in teacher's seminaries in Uglich and Mologa. During the study, non-published materials of the Yaroslavl Archive were used, which complement written sources known to science. In particular, reports, notes, correspondence of the People's Commissariat of Education, the Yaroslavl Provincial Department of National Education and the Provincial Board of National Education were introduced into the scientific circulation; regulations, guidelines, cost sheets and records of teachers council meetings of Teacher's Seminaries and pedagogical courses.

The methodological basis of the study was a systemic and phenomenological approach. The first one made it possible to consider pedagogical courses as an independent system and at the same time as a structural element of the system of teacher's professional training. The second approach made it possible to define pedagogical courses as a unique, spe-

cial, peculiar phenomenon in its historical retrospective. The work uses a complex of methods to research: narrative, archival heuristics, source analysis, interpretation method of sources.

The study of the problem of the formation and development of pedagogical courses allows us to understand in depth the essence of the modern system of continuous pedagogical education, to determine the conditions of its successful functioning, which can be considered as the most significant result of the conducted study.

Keywords: pedagogical courses, teacher's seminary, sociocultural phenomenon, pedagogical education, the end of the 1910-s – 1920-s, Yaroslavl province.

Введение

Динамика развития педагогических курсов на различных этапах отечественной истории во многом определялась историческими условиями и социокультурными изменениями в обществе, характером развития педагогики и науки в целом, отношением к образованию. Уровень развития педагогического образования обусловил различия в задачах, которые решали педагогические курсы на отдельных этапах их развития.

Первые в истории российского образования педагогические курсы были открыты в Санкт-Петербурге в 1864 г., когда в результате пореформенных изменений распространение начального образования обнажило дефицит учительских кадров. Как отметила Ф. Б. Саутиева в своем диссертационном исследовании, до 1917 г. в России действовало 149 педагогических курсов. Безусловно, опыт их работы не мог не оказать влияния в советское время.

Несмотря на существенные различия в подходах к организации деятельности педагогических курсов в разные исторические периоды (дореволюционный, советский и современный), они обладали общей целью и схожими характеристиками. Цель их сводилась к производству педагогических кадров, а уникальными особенностями (в отличие от других форм профессиональной подготовки) являлись краткосрочность (малый срок обучения: от года до трех), малозатратность, насыщенность содержания образования, вариативность и прикладной характер обучения. Таким образом, педагогические курсы можно назвать отечественным *образовательным феноменом*, отражающим и процесс развития подготовки учителей в России в ретроспективе, и особенности современной системы непрерывного педагогического образования.

Педагогические курсы в конце 10-х – 20-е гг. XX столетия в Советской России способствовали формированию новой интеллигенции, открывая двери, прежде всего, выходцам из крестьян и рабочих. В создаваемых городах курсы становились центром культуры, привлекая не только слушателей, но и местных жителей. Опытные хозяйства, показательные огороды и мастерские при курсах

распространяли передовые сельскохозяйственные и производственные технологии среди населения. Электрификация помещений педагогических курсов, наряду со специфической организацией их деятельности (преподаватели курсов, как правило, совмещали работу с основной – в учительских семинариях), привела к зарождению вечернего образования. Все это позволяет рассматривать педагогические курсы как уникальное общественное явление, *социокультурный феномен* в истории отечественного образования.

Историография развития педагогических курсов

Исследователи советского времени Ш. И. Ганелин, Э. Д. Днепров, А. И. Пискунов и др. [Очерки истории ... , 1976] придавали большое значение педагогическим курсам в деле подготовки профессиональных учительских кадров. Истории педагогических курсов в общем контексте развития педагогического образования в России посвящены работы советских ученых – Ф. Г. Паначина [Паначин, 1979], К. И. Васильева, Н. А. Желвакова.

Различные аспекты деятельности педагогических курсов отражены в трудах современных историков педагогики: М. В. Богуславского [Богуславский, 2019], Г. Б. Корнетова [Корнетов, 2018], А. А. Романова [Романов, 2016]. Региональные особенности деятельности педагогических курсов исследовали российские ученые: А. Ю. Ерыкалина – на Южном Урале, Л. М. Найбороденко – в Томской, А. А. Валитов – в Тобольской губернии. Работа дореволюционных педагогических курсов для учителей начальных церковных школ проанализирована в работе Н. Н. Зубковой и Т. А. Красницкой.

В ряде диссертационных исследований отражена проблема генезиса и развития педагогических курсов. Так, например, Ф. Б. Саутиевой изучены особенности подготовки учителей для начальной народной школы на педагогических курсах в России во второй половине XIX – начале XX в. Деятельность педагогических курсов на рубеже XIX-XX вв. исследована в диссертации И. В. Сучкова. А. Л. Смятских проследил процесс

становления и развития среднего специального педагогического образования в России. Л. П. Корнеева изучила особенности подготовки учителей школ первой ступени на педагогических курсах в 1917-1930 гг.

Историографический анализ [Шевелев, 2018; Молоков, 2013] содержания научных изысканий о деятельности педагогических курсов в России позволил сделать вывод о том, что наибольший интерес у исследователей вызывает дореволюционный период. Организации педагогических курсов в советское время, на наш взгляд, уделено недостаточное внимание. Необходимость осмысления опыта педагогических курсов советской эпохи связана, во-первых, со значительной их трансформацией (гибкость самой формы педагогических курсов привела к их сохранению в практике современного образования), а во-вторых, со своеобразием и уникальностью этого явления.

Трансформацию педагогических курсов в начале советского периода можно проследить по изменению целевой направленности, а также идейно-политическому и содержательному преобразованию [Brevik, 2018]. В то же время в этот период (конец 10-х – 20-е гг. XX в.) временные одногодичные и двухгодичные педагогические курсы Советской России имели схожую с дореволюционными структуру и форму. Объединяет их то, что они были альтернативой другим учебным заведениям, полноценно и «с нуля» готовившим педагогов (то есть были элементом системы *профессиональной подготовки педагогов*). В дальнейшем педагогические курсы вновь трансформируются, став элементом системы *послевузовского* (до начала 90-х гг.), а затем *дополнительного профессионального образования*.

«В целях скорейшего создания новых кадров учителей-социалистов»

Чрезвычайно востребованными оказались педагогические курсы после прихода к власти большевиков. Идею развить сеть педагогических курсов советское правительство стало воплощать летом 1918 г. на фоне начала кампании по ликвидации безграмотности в стране. Если во второй половине XIX в. распространение получили, помимо педагогических, чертежные, бухгалтерские, женские курсы, то в советское время – пролетарские общеобразовательные, курсы по экспериментальной педагогике, курсы переподготовки партийных и советских работников и другие в духе своего времени.

Созданные при Губернских отделах народного образования (ГубОНО) подотделы подготовки

учителей, а также Губернские коллегии народного образования при исполкомах осенью 1918 г. начали координировать работу по открытию одногодичных педагогических курсов при учительских семинариях (до их преобразования, которое регламентировалось Постановлением Наркомпроса от 9 июля 1919 г.) и двухгодичных – при учительских институтах.

В циркулярном проекте об организации годичных курсов для подготовки учителей было указано, что «общий контроль над всеми курсами осуществляется через инструкторов народного комиссариата по просвещению», которые должны были войти в состав педагогических советов курсов [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 30]. Вместе с циркулярным проектом Наркомпрос представил сметы по губерниям, в которые включил кредиты на содержание в течение трех месяцев 5 одногодичных педагогических курсов [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 34].

Архивные материалы позволяют определить региональные особенности организации педагогических курсов в это время. Так, например, в Ярославской губернии кампания по созданию курсов берет начало 28 сентября 1918 г., когда ГубОНО направил в учительские семинарии региона и уездные отделы запрос за № 470 о необходимости организовать «годичные курсы для создания новых кадров учителей в обновленную единую трудовую школу» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 18].

Постановлением Ярославской Губернской коллегии народного образования № 5 от 21 октября 1918 г. на должность заведующего подотделом по подготовке учителей ГубОНО был назначен И. М. Солнцев [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 32]. Его активная деятельность и личное участие способствовали становлению педагогических курсов в регионе. Накануне назначения он писал в докладной записке Губколлегии по народному образованию: «...в целях скорейшего создания новых кадров учителей-социалистов для Единой Трудовой социалистической школы открыть временные курсы для подготовки учителей необходимо немедленно, желательно с 1 ноября» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 34].

Подотделом было предположено открыть одногодичные педагогические курсы в пяти городах: Ярославле, Рыбинске, Ростове, Мологе и Угличе (в двух последних – при учительских семинариях). Позднее вместо Рыбинска для организации курсов был выбран г. Пошехонье. Выбор городов определялся «местными условиями» и наличием

«педагогических сил». Кроме того, подотдел рассматривал и дополнительные варианты открытия курсов в других «пунктах губернии», ожидая проявления в этом вопросе инициативы уездных и городских отделов народного образования, «так как ясно, что для реформируемой школы... работников, стоящих на платформе Советской власти, недостаточно» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 4. 179 л., л. 79].

Рассмотрим подробнее опыт организации педагогических курсов в Ярославской губернии в контексте культурно-исторических условий, при которых закладывался этот опыт. Обозначим, что большой объем материалов о Губернских педагогических курсах в г. Ярославле требует особого к ним внимания. Ниже, таким образом, будет представлен анализ материалов о курсах в Ярославской провинции, что в дальнейшем позволит нам соотнести полученные в ходе исследования результаты с опытом создания и функционирования педагогических курсов в центре губернии.

«Непреодолимые затруднения»

Возможности для создания педагогических курсов оказались далеко не во всех уездах. Так, например, ответ на запрос ГубОНО со стороны отдела народного образования Тутаево-Луначарского (бывш. Романо-Борисоглебского) Исполкома совета крестьянских и рабочих депутатов продемонстрировал неготовность открыть в этом уезде педагогические курсы. «Организация их, в силу полного отсутствия местных культурных и материальных сил, связана с непреодолимыми затруднениями», – отмечалось в документе [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 33]. Отдел попросил прислать из Москвы лекторов и руководителей для организации месячных курсов, а в смету курсов, помимо оплаты труда преподавателей, суточных и проезда, включил 3 пуда керосина для освещения [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 34]. Программа курсов предлагалась следующая: основные принципы трудовой школы, литература, практическая математика, ручной труд, политграмота, эстетическое воспитание (музыка, пение, игры) [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 33]. Такой подход к делу вряд ли мог быть оценен ГубОНО, перед которым была поставлена задача открытия как минимум годичных педагогических курсов.

Неудачно закончилась попытка организации педагогических курсов в г. Рыбинске. По линии Губернской коллегии народного образования в октябре 1918 г. туда был направлен преподаватель Коммерческого училища г. Ярославля

А. В. Жуковский, получивший инструкции от И. М. Солнцева. В заранее заготовленный «бланок» из ГубОНО он должен был вписать имя подходящего лица на должность заведующего курсами, согласовав его в «частных разговорах со служащими» местного ОНО [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 54]. Неизвестно, почему Жуковский обратился не в отдел, а в канцелярию, работники которой, шутки ли ради, указали на сотрудника бухгалтерии И. И. Иванова как подходящее лицо для заведывания курсами. Возможно, на этот выбор повлияла служба Иванова в делопроизводстве (!) по отделу низшей школы при Коммисариате в Москве. После получения согласия с его стороны Жуковский вписал имя в бланк и обратился к заведующему местным ОНО. Естественно, последовала жесткая реакция на подобное «назначение». Как следствие, Жуковскому не удалось организовать Совет педагогических курсов, провести его заседание. На том дело с организацией курсов в Рыбинске и закончилось.

«Семинарский хор пропоет ... похоронный марш»

Попытку создания курсов в г. Петровске предпринял коллектив работавшей здесь учительской семинарии. В начале октября 1918 г. Педагогический совет направил ответ на запрос ГубОНО о желательности и возможности открытия таких курсов, указав единственную сложность для этого: «...некоторое затруднение представляет только оборудование практических занятий по физике и химии, а также многих материалов для работ сейчас найти нельзя» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 86]. 3 октября на очередном заседании подробно обсуждались учебный план и смета курсов.

Анализируя архивные материалы, касающиеся деятельности Петровской учительской семинарии после революции, следует отметить стремление коллектива привести работу семинарии в соответствие с духом времени. Открытая 1 июля 1913 г. как мужская, с 1 августа 1917 г. она была преобразована в смешанную семинарию [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 58]. В предполагаемый учебный план педагогических курсов при семинарии были включены такие дисциплины, как ручной труд, аграрный вопрос, советская конституция и основы законоведения. В 1918 г. в честь годовщины революции в семинарии было решено «ознаменовать 25 октября литературно-вокальным утроем, на котором преподаватели семинарии Н. С. Цыпленков и В. М. Вьюков прочтут доклады, а семинарский хор пропоет интернацио-

нал, марсельезу, похоронный марш и несколько пьес» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 91]. Однако все эти реверансы в адрес советской власти не привели, в итоге, к открытию педагогических курсов. Более того, на повестке ГубОНО встал вопрос о переводе Петровской учительской семинарии в г. Ростов.

Дело в том, что 16 ноября 1918 г. из Народного Комиссариата по просвещению в адрес ГубОНО было направлено указание о необходимости «принять меры к тому, чтобы в Петровской учительской семинарии не было свободных вакансий преподавателей, так как отсутствие полного состава сильно отражается на правильном ходе занятий [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 19. 61 л., л. 37]. В штате учреждения было всего 7 преподавателей, из-за их недостатка не проводились занятия по естествознанию, ручному труду, графическим искусствам. Более того, двое штатных преподавателей получили назначение в Рязанскую учительскую семинарию [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 19. 61 л., л. 55-56].

Губернские власти отреагировали на запрос из Наркомпроса незамедлительно, предложив Ярославской Губколлегии народного образования рассмотреть вопрос о переводе Петровской учительской семинарии в г. Ростов и отклонив инициативу Педагогического совета семинарии по открытию при ней педагогических курсов. И. М. Солнцев так объяснял такое решение: «Петровская учительская семинария помещается в заштатном городе Ростовского уезда [*в Российской Империи заштатным называли населенный пункт, имевший права города, но не являвшийся административным центром уезда. – Примеч. авт.*], где едва ли могут быть живые общественные и ... педагогические силы. Размещение учительских семинарий в глухих местечках проводилось систематически министерством народного просвещения старого режима; причем такой порядок обычно мотивировался стремлением приблизить воспитание будущих учителей к условиям жизни в деревне. В действительном же результате такой меры получилось, что все размещенные таким образом семинарии никогда не могли подняться на должную высоту; в большинстве случаев не находилось для них крупных педагогических сил и складывался своеобразный оторванный от культурной жизни быт, который только неблагоприятно отражался на жизни питомцев» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 19. 61 л., л. 36].

По данным старосты Петровского собора Н. К. Шахова, число жителей Петровска в 1904 г.

составляло 1922 человека [Город Петровск ... , с. 30], из-за малочисленности город был преобразован в село в 1923 г. Недостаток кадров в Петровской учительской семинарии И. М. Солнцев назвал «хроническим явлением», а потому наиболее простое радикальное разрешение вопроса он видел в переводе этой семинарии в г. Ростов, «где бы и могло ... легче всего сложиться живое педагогическое учебное заведение» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 19. 61 л., л. 36]. Педагогический совет семинарии, которому было поручено обсудить вопрос о «целесообразности и возможности» такого перевода, естественно, высказался хоть и полнокорректно, но отрицательно [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 19. 61 л., л. 39].

Сопоставляя даты архивных материалов, можно прийти к следующему выводу. Именно г. Ростов изначально, еще до изучения вопроса о переводе сюда Петровской учительской семинарии, рассматривался как одно из 5 мест губернии для открытия педагогических курсов. В официальном ответе на инициативу Педагогического совета Петровской учительской семинарии об открытии при ней курсов отмечалось: «... в виду того, что для Ростовского уезда открываются одногодичные педагогические курсы в г. Ростове, с одной стороны, и в виду большей целесообразности открытия пятых в Ярославской губернии курсов в г. Пошехонье, ГубОНО отклоняет ходатайство Педагогического совета семинарии об открытии курсов в г. Петровске» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 4. 179 л., л. 57]. После этого семинария проработала еще несколько месяцев и была переведена в г. Ростов, «растворившись» в составе Ростовских одногодичных педагогических курсов. Символизм упоминания в источниках о похоронном марше, впрочем, вовсе не означал полного забвения накопленного Петровской учительской семинарией опыта подготовки педагогов.

Трансформация семинарии в педагогические курсы демонстрирует обновление идейной направленности, содержания педагогического образования и географического месторасположения, но отнюдь не целевой функции, связанной с профессиональной подготовкой учителей. К тому же большая часть преподавателей учительской семинарии вошла в штат Ростовских педагогических курсов, продолжив дело подготовки учителей.

Таким образом, выбор мест для открытия в губернии педагогических курсов определялся объективными причинами [Sumpf, 2006]: демографическими (количеством жителей), географическими (равномерное распределение курсов на терри-

тории губернии), кадровыми (наличием «педагогических сил»). Всем этим условиям, помимо губернского центра, всецело соответствовали Углич и Молога, где и численность населения была гораздо выше Петровска, и учительские семинарии не испытывали кадрового голода.

«Воспитанники и преподаватели... принуждены ... перебираться через Волгу на лодках или на пароме»

Первая и единственная на всю губернию вплоть до 1915 г. учительская семинария была открыта в селе Новом Мологского уезда в 1871 г. [Иванов, 1947, с. 12]. 3 февраля 1914 г. пожар уничтожил главный корпус семинарии, и из-за отсутствия помещений в течение двух лет (в 1914 и 1915 гг.) приема в семинарию не производилось [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 9]. С 1 июля 1915 г. Новинская семинария была переведена в г. Углич и получила наименование Угличской [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 59]. Собственных зданий семинария не имела и помещалась в наемных. В то же время ей принадлежали два участка земли: усадебной в 11,5 десятин и для постройки классного каменного корпуса площадью в 1600 кв. сажен, которые уступило Угличское городское общественное управление [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 10].

Персонал семинарии включал 10 преподавателей в 1913/14 уч. г., 11 – в 1917/18 уч. г. [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 9]. При семинарии имелись мастерская ручного труда и физический кабинет. Библиотек в семинарии было две: одна – «учительская», а вторая – фундаментальная, разбивающаяся на отделы педагогики, русского языка, математики, истории и естествознания. Своего общежития семинария не имела. Развитие материальной базы коллектив семинарии видел в «учреждении естественно-научного кабинета, рисовального класса и музея наглядных учебных пособий» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 9].

В октябре 1918 г., откликнувшись на предложение организовать педагогические курсы, совет Угличской учительской семинарии утвердил из своего состава лекторов, объявил запись желающих учиться, разработал смету курсов. Начать учебные занятия было решено «при первой возможности» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 12].

Опираясь на примерный учебный план занятий, разработанный Отделом подготовки учителей Наркомпроса, коллектив Угличской учительской семинарии обсудил вопрос о распределении учеб-

ных занятий на курсах. В результате, в дополнение к представленным в плане предметам совет предложил ввести землеведение и ручной труд по дереву [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 25]. Как представляется, в этом прослеживается забота о тех преподавателях семинарии, которые нагрузку на курсах не получили (в частности, И. М. Субботине и В. С. Карунове).

В начале ноября 1918 г. на педагогические курсы Угличской учительской семинарии было подано 35 прошений о зачислении. Руководство запросило Губернскую коллегия народного образования прислать своего представителя для присутствия «при производстве коллоквиума» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 42]. В первой декаде декабря прошли вступительные испытания (тот самый «коллоквиум»), в результате которых на педагогические курсы было набрано 20 слушателей [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 62].

Единственным затруднением для организации педагогических курсов при Угличской учительской семинарии стал перевод ее классов в заречную часть города, предпринятый в октябре 1918 г. уездным Совдепом. Им было дано обещание выделить 30 тыс. руб. на ремонт здания, однако исполнено оно не было [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 62]. В этой части города, как отмечалось коллективом, недостаточно подходящих жилых помещений даже для воспитанников и преподавателей семинарии, вследствие чего «они принуждены ежедневно с большими затруднениями перебираться через Волгу на лодках или на пароме» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 62]. Устроить же общежитие для курсистов за Волгой не представлялось возможным.

Несмотря на такие сложности, в декабре 1918 г. педагогические курсы при Угличской учительской семинарии были открыты. И только после всей подготовительной работы Наркомпросом было перечислено 13 тыс. руб. «для организации... педагогических курсов» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 51], причем «при условии соблюдения выработанного положением о курсах плана» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 63].

«Для всех желающих посвятить себя педагогической деятельности»

Наиболее подготовленной к организации педагогических курсов оказалась Мологская учительская семинария. Созданная в 1915 г. как временная, изначально она называлась Красноставской, так как предназначалась к открытию в г. Красноставе Люблинской губернии в Польше. В годы Первой мировой войны практически вся

территория Царства Польского была оккупирована немецкими войсками, и открыть здесь учебное заведение было невозможно. После признания в марте 1917 г. Временным правительством независимости Польши Постановлением от 1 июля 1917 г. семинария была «навсегда оставлена в Мологе с переименованием в Мологскую» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 60].

Председателем педагогического совета Е. П. Немцевичем в 1918 г. был разработан подробный проект одногодичных педагогических курсов, согласно которому предполагалось «открыть их с 1 января 1919 г. для всех желающих посвятить себя педагогической деятельности» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 18]. Педагогический совет установил продолжительность учебного года на педагогических курсах: с 1 января по 1 января. В результате успешного обучения на курсах было постановлено выдавать свидетельства, подтверждающие прослушивание курсов.

Управлять курсами, по предложенному проекту, должен был Совет курсов, исполнительными органами которого являлись председатель и секретарь. Для заведования хозяйственной частью курсов Советом была выделена финансовая комиссия из трех лиц с вознаграждением по 1000 рублей [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 18]. Проект курсов устанавливал общее количество курсистов – не более 50 человек. Зачисление на курсы должно было производиться после коллоквиума, который был призван «установить достаточное развитие и серьезную подготовку кандидатов для успешных занятий на курсах» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 18]. К кандидатам на коллоквиуме предъявлялись требования в отношении «общего серьезного развития, объем которого можно получить хотя бы за шестилетнее пребывание в бывших мужских гимназиях» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 18].

Примечательно, что предложенный проект педагогических курсов при Мологской учительской семинарии предполагал прикрепление к ним образцовой школы I ступени, где слушатели могли бы проходить постоянную педагогическую практику, проводя уроки с учениками. Такой опыт «связки» со школой практиковался в самих учительских семинариях и, безусловно, был направлен на повышение качества педагогического образования.

Заведующий отделом подготовки учителей ГубОНО И. М. Солнцев внес две поправки в этот проект, указав, во-первых, «желательность скорейшего открытия курсов с тем, чтобы занятия ...

закончились, по возможности, к началу будущего учебного года, когда, несомненно, потребуются новые курсы учителей-социалистов» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 62]. Такая спешность привела к открытию педагогических курсов в Мологе на месяц раньше запланированного – в декабре 1918 г. Во-вторых, поправка касалась организации коллоквиума, который «не должен иметь характера экзаменов... цель коллоквиума – выяснение общего уровня развития поступающих на курсы» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 20. 102 л., л. 62].

«Курсисты должны были знакомиться... с пчеловодством и сельским хозяйством»

Детальное внимание в проекте педагогических курсов при Мологской учительской семинарии уделено содержанию образования. Уроки подразделялись на дневные и вечерние. Дневная нагрузка состояла из 30 часов в неделю и включала в себя следующие дисциплины: психология и логика – 2 ч., история педагогики – 1 ч., дидактика и училищеведение – 1 ч., учение о трудовой школе – 1 ч., методика русского языка, арифметики, географии, истории, естествознания, пения, графических искусств – по 1 ч., политическая экономия – 2 ч., история социализма и рабочего движения – 2 ч., аграрный вопрос – 1 ч., законоведение и советская конституция – 2 ч., выразительное чтение – 1 ч., детское чтение – 1 ч., гигиена – 2 ч., практических уроков в образцовой школе – 6 ч. [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 18].

Для проведения занятий на педагогических курсах привлекались преподаватели учительской семинарии: расписание уроков на курсах составлялось при учете учебных занятий семинарии. Помимо дисциплин, обозначенных в проекте учебного плана, педагогическим советом было предложено ввести языковедение и диалектологию в общую программу курсов. Это объяснялось тем, что преподавателю единой трудовой школы I ступени на уроках родного языка «неизбежно (как это предусматривается программами) придется иметь дело с вопросами ... о местных говорах в их взаимоотношении с языками литературным и материнским» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 22].

По вечерам предполагалось проводить практические занятия: на естествоведение выделялось 2 ч., на химию, физику, ручной труд, переплетное дело – по 4 ч., на пение – 2 ч. С пчеловодством и сельским хозяйством курсисты должны были знакомиться в летнее, осеннее и весеннее время [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 18]. В целях

более рациональной постановки практических занятий со слушателями курсов в образцовой школе совет постановил все практические занятия отнести ко второй половине учебного года, объясняя это тем, что они «успеют к тому времени записаться более или менее полными методическими сведениями и дидактическими указаниями относительно ведения самостоятельных уроков в школе» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 22].

Таким образом, на практические занятия отводилось 20 часов в неделю, а в совокупности с теоретической подготовкой недельная нагрузка курсистов составляла 50 часов. При шестидневной учебной неделе нетрудно высчитать ежедневную нагрузку, которая составляла свыше 8 часов.

С большой осторожностью педагогический совет Мологской учительской семинарии обсуждал вопрос о возможных формах контроля знаний слушателей педагогических курсов. Необходимость контроля объяснялась «достижением большей продуктивности в работах слушателей на педагогических курсах, пробуждения в них желательной активности, направленной к серьезному и деятельному усвоению ими учебного материала» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 22]. С этой целью предлагалось устроить для курсистов «своего рода зачеты, без какого-либо, однако, оттенка экзаменов, хотя бы по двум семестрам (приблизительно в марте – один и в августе – другой) по всем предметам учебного плана курсов» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 21. 29 л., л. 22]. Подобную осторожность в обсуждении необходимости контроля знаний можно объяснить тем, что накануне Государственной Комиссией по просвещению было принято Постановление о совместном обучении, об отмене отметок и переводных из класса в класс испытаний [Собрание узаконений ..., 1942, с. 569], которое значительно ограничивало организацию дидактического контроля в учебных заведениях.

Анализируя содержание образования, предложенное в проекте педагогических курсов, отметим следующее. Во-первых, учебный план отличается насыщенностью, разнообразием предметов и достаточно большим объемом недельной нагрузки курсистов, поскольку готового преподавать в школе специалиста курсы должны были подготовить всего за год. К тому же, в этот период отечественной истории еще сохранялась практика ведения одним школьным учителем нескольких предметов.

Во-вторых, в учебный план были включены такие новые дисциплины, как учение о трудовой

школе, политическая экономия, законоведение и советская конституция, аграрный вопрос, а также история социализма и рабочего движения. Это свидетельствует о влиянии идеологии на процесс подготовки педагогических кадров, – черте, свойственной советской системе педагогического образования на всем протяжении ее существования.

В-третьих, учебный план построен с учетом баланса теоретической и прикладной подготовки, при этом практика проведения курсистами занятий в образцовой школе вытекает из опыта самих учительских семинарий. Более того, знакомство слушателей курсов с ручным трудом, переплетным делом, пчеловодством и сельским хозяйством было обусловлено контингентом их будущих подопечных, большинство из которых были детьми крестьян и рабочих.

«В одном из классов придется провести электричество»

Своеобразной чертой создаваемых в начале советского периода педагогических курсов была их связь с научно-техническими достижениями, способствовавшими развитию педагогического образования. Сама идея открытия курсов при всех действующих учительских семинариях требовала разрешения вопроса об организации занятий с семинаристами и курсистами отдельно, причем педагогический состав оставался неизменным. Поистине прогрессивное для 1918 г. решение (за два года до утверждения Государственного плана электрификации Советской России!) было предложено коллективом Мологской учительской семинарии. Речь идет о проведении занятий на курсах «в вечернее время, параллельно с семинарскими занятиями, что удобно будет и для преподавателей и не вызовет лишних расходов по найму помещения... для чего в одном из классов придется провести электричество» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 22. 73 л., л. 13].

В вечернее время занятия в учебных заведениях проводились, однако, в основном, практического характера: в саду, огороде, мастерских. Ни о какой полноценной работе с учебниками, тетрадями не могло быть и речи. Для освещения в вечернее время использовался керосин. Как отмечено в смете Петровской учительской семинарии за первое полугодие 1919 г., «освещать приходится... 10 комнат, 4 комнаты служителей, 2 коридора, на что потребуется в год около 15 пудов керосина» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 19. 61 л., л. 24].

Если в Петровске даже не задумались об электрификации, в Мологе предполагалось провести электричество всего в один класс, то с настоящим

«размахом» этот вопрос был поставлен в центре губернии. В смете Ярославских педагогических курсов за второе полугодие 1918 г. на «приспособление и ремонт помещения», в том числе проводку освещения, было заложено 7 000 руб., собственно на освещение – 210 руб., куда входило «горение 35 лампочек по 4 часа в день» [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 171. 134 л., л. 85]. И только у педагогических курсов в Ярославле в смету этого периода был заложен телефон! [ГА ЯО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 171. 134 л., л. 86].

Итак, на наш взгляд, во многом благодаря опыту организации педагогических курсов в Советской России стало возможно проводить полноценные вечерние занятия, как семинарские, так и лекционные. Электрификацию и телефонизацию педагогических курсов конца 10-х годов XX в. по их значению вполне можно соотнести с цифровизацией процесса подготовки кадров, ведь использование современных технических новшеств также направлено на расширение круга получающих педагогическую профессию и повышение эффективности педагогического образования.

Заключение

Анализируя процесс становления и развития педагогических курсов, можно сделать следующие выводы. Как образовательный феномен педагогические курсы характеризуют такие отличительные черты (в сравнении с другими формами профессиональной подготовки педагогов), как краткосрочность подготовки, малозатратность, насыщенность содержания образования, вариативность и прикладной характер обучения. Социокультурным феноменом педагогические курсы конца 10-х – 20-х гг. XX в. можно назвать, исходя из анализа их взаимосвязи с внешней средой и отражения в нем общественных и культурных процессов [Kamińska, 2014]. Принимавшие в число слушателей преимущественно представителей крестьян и рабочих, направляемых комитетами бедноты, педагогические курсы закладывали основы новой интеллигенции. Включение в содержание подготовки учителей трудовых процессов (сельского хозяйства, ремесел) и распространение передового опыта среди населения способствовало тому, что педагогические курсы становились культурными центрами в духе своего времени. Проникновение технических достижений, например, использование электричества, свидетельствует о связи педагогических курсов с научно-техническим прогрессом. Благодаря этой связи стало возможным организовать вечернее образование с полноценной теоретической подготовкой. Таким образом, педагогические курсы, бу-

дучи «продуктом культуры» своего времени, породили новый социокультурный и образовательный опыт.

Как отметила Н. А. Белова, уровень образования и подготовки новых учителей в изучаемый исторический период был неудовлетворительным [Белова, 2014, с. 63]. Трудно не согласиться с этим мнением, понимая очевидные последствия «скороспелой» подготовки [Harris, 2020] педагогов на курсах. В то же время идея организации индивидуальных педагогических курсов при функционирующих учебных заведениях носила прогрессивный характер с точки зрения государственного управления и финансирования [Byford, 2006]. Открытие курсов не требовало значительных расходов в силу использования материально-технических и кадровых ресурсов учительских семинарий; гораздо больше средств потребовалось бы для создания сети отдельных учебных заведений. Эффективности педагогических курсов способствовала логически выстроенная вертикаль управления педагогическим образованием, сочетающая черты централизации и демократизации [Kaser, 2006]. Так, спущенная сверху государством и поддержанная губерниями директива о создании курсов при поддержке уездных властей давала возможность учреждениям, при которых они открывались, принимать наиболее значимые управленческие решения. Педагогические советы были включены в решение вопросов финансового, материально-технического, организационного, содержательного, кадрового обеспечения педагогических курсов. Такая свобода действий, пока еще незначительно ограниченная идеологическими рамками, отражает социокультурные особенности развития системы подготовки педагогов конца 10-х – 20-х годов XX столетия.

Важнейшим результатом работы педагогических курсов стало то, что в стране резко выросло количество педагогов. Если в 1914/15 уч. г. численность учителей составляла 167 тыс. чел., то в 1927/28 – уже 228 тыс., а в 1940/41 – 700 тыс. [Народное образование ... , 1969, с. 219].

Таким образом, педагогические курсы Советской России нашли отражение в отечественной истории, внесли свою лепту в развитие системы педагогического образования. Эти курсы были полноценным элементом профессиональной подготовки педагогов до начала 30-х гг. XX в. – времени их преобразования в педагогические училища и техникумы, а ныне опыт педагогических курсов востребован в системе дополнительного профессионального образования.

Библиографический список

1. Белова Н. А. Повседневная жизнь учителей / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва : ИЭА РАН, 2015. С. 62-80.
2. Богуславский М. В. Основные направления развития отечественного образования и педагогики первой половины XX века // Проблемы современного образования. 2019. № 2. С. 106-116.
3. Город Петровск Ярославской губернии: его прошлое и настоящее / Изд. старосты Петров. собора Н. К. Шахова. Ростов-Ярославский : Тип. А. Х. Оппель, 1904. 36 с.
4. Иванов А. Г. Народное просвещение и культурное строительство Ярославской области за 30 лет / А. Г. Иванов, Н. А. Гусев, В. Ф. Елисева, Н. В. Кузнецов. Ярославль, 1947. 55 с.
5. Корнетов Г. Б. Методология изучения педагогического прошлого историко-педагогической наукой // Academia. Педагогический журнал Подмосквья. 2018. № 2 (16). С. 37-47.
6. Молоков Д. С. Педагогическая историография как область научных знаний // Инновационные модели и технологии современного образования : сборник трудов конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2013. С. 128-134.
7. Народное образование в РСФСР / под ред. М. П. Кашина, Е. М. Чехарина. Москва, 1969. 375 с.
8. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Вторая половина XIX в. / отв. ред. А. И. Пискунов ; авт. А. И. Пискунов, Э. Д. Днепров, Ш. И. Ганелин и др. Москва : Педагогика, 1976. 599 с.
9. Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в России: Историко-педагогические очерки. Москва : Педагогика, 1979. 216 с.
10. Романов А. А. Общественная инициатива в разработке идей и практики подготовки педагогов в России начала XX века // Учитель и его формирование: исторический опыт передачи образованности и культуры : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. XXXI сессии Научного совета по проблемам истории образования и пед. науки Рос. академии образования / под науч. ред. М. В. Богуславского, С. В. Куликовой. Волгоград : Отрок, 2016. С. 359-365.
11. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Москва, 1942. 1483 с.
12. Шевелев А. Н. К проблеме эффективности историко-педагогических подходов // Историко-педагогический журнал. 2018. № 2. С. 74-95.
13. Brevik L. M., Gudmundsdottir G. B., Lund A., Strømme T. A. Transformative agency in teacher education: Fostering professional digital competence // Teaching and Teacher Education. 2018. Vol. 86. P. 35-50.
14. Byford A., Jones P. Policies and Practices of Transition in Soviet Education from the Revolution to the End of Stalinism // History of Education. 2006. Vol. 35. Is. 4-5. P. 419-426.
15. Harris J. If you can't do teach: Exploring short-termism in the teaching profession // International Journal

of Educational Research. 2020. Vol. 99. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/international-journal-of-educational-research/vol/99/suppl/C> (дата обращения: 01.02.2020).

16. Kamińska M. Axiological foundations of civic education – the role of teachers / Essays on Education. Ed. W. Sroczynski. South Jordan, 2013. P. 51-65.
17. Kamińska M. Cognitive and social culture aspects of the cooperation of teachers / Education and Upbringing in Theory and Practice. Ed. A. Solak, K. Dziuriniński. South Jordan, 2014. P. 154-178.
18. Kaser M. Resources for Russian Education: Soviet Strategies in Historical Context // History of Education. 2006. Vol. 35. Is. 4-5. P. 561-583.
19. Sumpf A. Confronting the Countryside: The Training of Political Educators in 1920s Russia // History of Education. 2006. Vol. 35. Is. 4-5. P. 475-498.

Reference list

1. Belova N. A. Povsednevnaia zhizn' uchitelej = Everyday life of teachers / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва : ИЭА РАН, 2015. С. 62-80.
2. Boguslavskij M. V. Osnovnye napravlenija razvitiia otechestvennogo obrazovanija i pedagogiki pervoj poloviny HH veka = Main directions of development of national education and pedagogy of the first half of the XX century // Problemy sovremennogo obrazovanija. 2019. № 2. S. 106-116.
3. Gorod Petrovsk Jaroslavskoj gubernii: ego proshloe i nastojashhee = The city of Petrovsk in the Yaroslavl province: its past and present / Izd. starosty Petrov. sobora N. K. Shahova. Rostov-Jaroslavskij : tip. A. H. Oppel', 1904. 36 s.
4. Ivanov A. G. Narodnoe prosveshhenie i kul'turnoe stroitel'stvo Jaroslavskoj oblasti za 30 let = Folk education and cultural construction in the Yaroslavl region for last 30 years / A. G. Ivanov, N. A. Gusev, V. F. Eliseeva, N. V. Kuznecov. Jaroslavl', 1947. 55 s.
5. Kornetov G. B. Metodologija izuchenija pedagogicheskogo proshlogo istoriko-pedagogicheskoi naukoj = Methodology for the study of the pedagogical past by historical and pedagogical science // Academia. Pedagogicheskij zhurnal Podmoskov'ja. 2018. № 2 (16). S. 37-47.
6. Molokov D. S. Pedagogicheskaja istoriografija kak oblast' nauchnyh znaniy = Pedagogical historiography as a field of scientific knowledge // Innovacionnye modeli i tehnologii sovremennogo obrazovanija : sbornik trudov konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl', 2013. S. 128-134.
7. Narodnoe obrazovanie v RSFSR = Popular education in RSFSR / pod red. M. P. Kashina, E. M. Cheharina. Moskva, 1969. 375 s.
8. Oчерки istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR: Vtoraja polovina XIX v. = Essays of the history of school and pedagogical thought of the USSR peoples: The second half of the XIX century. / отв. ред. А. И. Пискунов ; авт. А. И. Пискунов, Е. Д. Днепров, Ш. И. Ганелин и др. Москва : Педагогика, 1976. 599 с.

9. Panachin F. G. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii: Istoriko-pedagogicheskie ocherki = Pedagogical education in Russia: Historical and pedagogical essays. Moskva : Pedagogika, 1979. 216 s.
10. Romanov A. A. Obshhestvennaja iniciativa v razrabotke idej i praktiki podgotovki pedagogov v Rossii nachala HH veka = Public initiative in developing ideas and practices of teacher training in Russia in the early XX century // Uchitel' i ego formirovanie: istoricheskij opyt peredachi obrazovannosti i kul'tury : sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. HHHI sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii obrazovaniya i ped. nauki Ros. akademii obrazovaniya / pod nauch. red. M. V. Boguslavskogo, S. V. Kulikovej. Volgograd : Otkrovenie, 2016. S. 359-365.
11. Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917-1918 gg. = Collection of legitimizations and orders of the Government during 1917-1918. Moskva, 1942. 1483 s.
12. Shevelev A. N. K probleme jeffektivnosti istoriko-pedagogicheskikh podhodov = To the problem of the effectiveness of historical and pedagogical approaches // Istoriko-pedagogicheskij zhurnal. 2018. № 2. S. 74-95.
13. Brevik L. M., Gudmundsdottir G. B., Lund A., Strømme T. A. Transformative agency in teacher education: Fostering professional digital competence // Teaching and Teacher Education. 2018. Vol. 86. P. 35-50.
14. Byford A., Jones P. Policies and Practices of Transition in Soviet Education from the Revolution to the End of Stalinism // History of Education. 2006. Vol. 35. Is. 4-5. P. 419-426.
15. Harris J. If you can't do teach: Exploring short-termism in the teaching profession // International Journal of Educational Research. 2020. Vol. 99. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/international-journal-of-educational-research/vol/99/suppl/C> (data obrashheniya: 01.02.2020).
16. Kamińska M. Axiological foundations of civic education – the role of teachers / Essays on Education. Ed. W. Sroczyński. South Jordan, 2013. P. 51-65.
17. Kamińska M. Cognitive and social culture aspects of the cooperation of teachers / Education and Upbringing in Theory and Practice. Ed. A. Solak, K. Dziuriniński. South Jordan, 2014. P. 154-178.
18. Kaser M. Resources for Russian Education: Soviet Strategies in Historical Context // History of Education. 2006. Vol. 35. Is. 4-5. P. 561-583.
19. Sumpf A. Confronting the Countryside: The Training of Political Educators in 1920s Russia // History of Education. 2006. Vol. 35. Is. 4-5. P. 475-498.